

**О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ
В СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ ЛИРИКИ НАЧАЛА XX в.
(на материале поэзии В. Брюсова, З. Гиппиус, А. Блока)**

В статье выявляются причины индивидуализации субъектной организации поэзии начала XX в., демонстрирующей синтез различных коммуникативных стратегий. Обосновывается типология субъектной организации лирики исследуемого периода и определяется сущность феномена идейно-субъектной пограничности. На примере поэтического творчества В. Брюсова, З. Гиппиус и А. Блока демонстрируются принципы неклассического этапа поэтики художественной модальности.

Ключевые слова: идейно-субъектная пограничность; коммуникативная стратегия; лирический герой; неосинкретизм; поэтика художественной модальности; синтез; субъектная организация.

Своеобразие неклассического этапа эпохи художественной модальности как периода формирования неканонических, нетрадиционалистских принципов создания литературного произведения привлекло внимание многих исследователей XX в. В литературоведении уже определены некоторые принципы поэтики рубежа XIX–XX вв.: уникальность, амбивалентность, двуединство, самождественность, неосинкретизм и др. Однако С. Н. Бройтман подчеркивает, что «целостное представление о ней в науке пока отсутствует» [Теория литературы, т. 2, с. 222], т. к. выявление основных положений формировавшейся в конце XIX в. эстетики — достаточно сложный процесс.

Актуализация синтеза противоположных тенденций (межсубъектность и единственность) в субъектной организации лирики меняла восприятие целостности мироздания, актуализировала стремление к анализу лирическим героем своей автономности с позиции другого субъекта сознания. Установка на диалогизм, характерная для современных подходов к исследованию словесного творчества, реализуется и в процессе изучения субъектной организации лирики. Проблема диалогических отношений между *автором, героем и читателем* была концептуально представлена еще в работах М. М. Бахтина. Именно отношения между субъектами художественного произведения создают, по М. М. Бахтину, эстетическую реальность, ведь «эстетическое событие может совершиться лишь при двух участниках, предполагает два несовпадающих сознания» [Бахтин, с. 22]. С. Н. Бройтман, опираясь на системный анализ типов художественного сознания, представленный в работах А. Н. Веселовского, Ю. М. Лотмана, О. М. Фрейденберг и С. С. Аверинцева, на исследования М. М. Бахтина, труды Б. О. Кормана, в которых теоретически обоснован системно-субъектный метод анализа лирики, и на идеи, высказанные В. И. Тюпой, предлагает новое видение субъектно-объектных отношений в поэтическом тексте.

Анализируя структуру лирики рубежа XIX–XX вв., С. Н. Бройтман выявляет влияние на нее принципов субъектной организации синкретической поэзии.

Но если в фольклоре синкретизм — результат реальной субъектной неделимости, то в неклассической лирике, делает вывод исследователь, «*неосинкретизм* художнически сознательно обыгрывает вновь обретенную дополнительную и единораздельность “я” и “другого”» [Теория литературы, т. 1, с. 258]. Процесс изучения своей автономности, по мнению С. Н. Бройтмана, помог лирическому «я» глубже ощутить необходимость диалогической ориентации на «другого», увидеть свою причастность к нему. Поэтому уже с конца XIX в. субъектная организация поэзии «имеет началом не “я” (или “я-другой”), а некую парадигматическую *межсубъектную целостность*» [Бройтман, с. 215].

Трудности при изучении субъектно-объектных отношений в поэзии начала XX в. возникают оттого, что субъектная организация лирики данного периода характеризуется значительным влиянием доклассических субъектных структур, тенденцией к синтезу творческих методов. В поэзии реализуется новая субъектная организация — такая соотнесенность субъектов, при которой автор стремится к преодолению границ его различения с героем. Так происходит постоянная подмена (и/или замена): *автор* принципиально задает читателю установку на невозможность разделения субъектов. Это проявлялось в том, что субъект сознания и речи постоянно опровергал сам себя и вводил в заблуждение предполагаемого читателя. Такая позиция создавала эффект внутритекстовой полемики, часто не имеющей окончательной концептуальной реализации. Синтез различных культурологических, философских, исторических, религиозных концепций и идей в поэзии начала XX в. индивидуализировал содержание и форму стихотворений.

Вопрос о смысле бытия становится ведущим в духовной жизни России. Неприятие обыденности человеческого существования, отрицание возможности счастья в земной ипостаси, стремление к преображению мира воспринимаются как норма. Теоретически обосновываются «христианский универсализм» и «идея богочеловечества» Вл. Соловьева, концепция Л. Карсавина о целостности христианского мирозерцания, представления К. Леонтьева о негативном влиянии абсолютизации человека, религиозно-философское учение С. Булгакова о Софии, размышления В. Розанова о сущности религиозно-идейных оппозиций, синтез религии и оккультизма в работах Н. Федорова, идея «метафизического всеединства» П. Флоренского, религиозный экзистенциализм и «философия свободы» Н. Бердяева. Значительное влияние на взгляды русской творческой интеллигенции оказала западноевропейская философия XIX в.: антихристианские воззрения Ф. Ницше, психоаналитические исследования З. Фрейда, аналитическая психология К. Юнга, идеалистическая философия А. Шопенгауэра, экзистенциалистское учение М. Хайдеггера. Поиск «живого» слова, обладающего особенной интуицией и энергией, становится общим для литературы и философии.

Специфика религиозной ситуации, безусловно, индивидуализировала субъектную организацию поэзии. Поэтому, наряду с явлением *межсубъектной целостности*, субъектного неосинкретизма (понятия, введенные в научный оборот С. Н. Бройтманом), необходимо, на наш взгляд, говорить об *идейно-субъектной пограничности* — нахождении

лирического героя на «границе» разных философских и религиозных идей, проявившемся в межсубъектности. Комплекс разных культурно-исторических, религиозно-философских факторов определял в сознании автора место лирического героя среди других субъектов и его отношение к объектам, взаимодействие с ними. Герой одновременно представлял различные концепции бытия, небытия и инобытия, отличное понимание реального и идеального, человеческого и божественного, определял в амбивалентном единстве взаимоисключающие критерии уродливого и прекрасного. Идейно-субъектная пограничность создавала почву для внутритекстового много-субъектного диалога. Это способствовало нивелированию жесткого разделения ценностных систем и производило эффект «переодевания» героя. Посредством игровой техники автор не только соединял в его сознании противоположные мировоззрения, но и реализовывал амбивалентность семантики образов через вторичных субъектов сознания и речи.

Можно предположить, что изменение субъектной ситуации в поэзии начала XX в. — не только новая содержательно-формальная тенденция, но и способ словесной реализации индивидуально-авторского религиозного переосмысления действительности. Так, например, в поэзии В. Брюсова, З. Гиппиус и А. Блока отразился синтез языческих представлений о мире и человеке, основ традиционного христианства (православия) и принципов неохристианства. Этим объясняется, на наш взгляд, использование в лирике авторов трех типов субъектной организации (взаимозаменяемого, иерархического и уравнивающего), пересечение или соединение которых реализовалось в идейно-субъектной пограничности:

— взаимозаменяемый тип субъектной организации отражает влияние славянского язычества на лирику. В силу хорового начала (отсутствия необходимости выделения определенного голоса) синкретической поэзии все ее субъекты взаимозаменяемы; субъектная структура тут воплощает нераздельную множественность. Лирика начала XX в. эту слиянность субъектов использовала шире — для сакрализации поэта как посредника между Богом и людьми. Так как лирический герой и герои ролевой лирики — формы выражения авторского сознания, то любой субъект в стихотворении мог выступить в качестве теурга, избранника. Это позволяет выделить в лирике рубежной эпохи такой тип субъектной организации, при котором автор, лирический герой и герои ролевой лирики взаимозаменяемы, что делает невозможным выделение определенного субъекта сознания;

— иерархический тип субъектной организации отражает влияние на лирику начала XX в. догматов традиционного христианства, согласно которым человек — раб Божий и во всем должен полагаться на волю Творца. Сакрализация самим себя тут принципиально невозможна. Иерархический тип субъектной организации предусматривал отсутствие отождествления автора и героя и определял между ними некоторую дистанцию;

— уравнивающий тип субъектной организации свидетельствует о влиянии неохристианства на лирику начала XX в. Попытки создать

новую религию привели к переосмыслению духовных основ традиционной христианской церкви. Постепенно исчезала иерархичность в системе отношений «Бог — человек» и, соответственно, в системах «Творец — творение», «Автор — герой». Эта тенденция проявилась в уравнивании статуса автора и других субъектов сознания — как раз в явлении межсубъектной целостности. Таким образом, автор сливался с другими субъектами сознания, а его руководящая функция в тексте нивелировалась.

В данном теоретическом ракурсе показательно поэтическое творчество русских символистов, связанное с такими формирующими его факторами, как теургическое самосознание, житнетворческие установки, неорелигиозность, творческий синкретизм, моделирование лирической межсубъектности, стремление к гармонизации противоборствующих начал посредством словесного искусства. В результате соединения разных типов субъектной организации в лирике поэтов происходит постоянное смещение субъектных границ. Рассмотрим реализацию индивидуально-авторского подхода к субъектной организации лирики начала XX в. на примере поэтического творчества В. Брюсова, З. Гиппиус и А. Блока.

В стихотворении В. Брюсова «Сеятель» осуществляется переход от иерархического типа субъектной организации к уравнивающему типу. В названии стихотворения заявлен герой ролевой лирики (вторичный субъект сознания) — *сеятель*, который обладает предельным сходством с лирическим героем (первичным субъектом сознания и речи): «Я сеятеля труд, упорно и сурово, / Свершил в краю пустом, / И всколосилась рожь на нивах; время снова / Мне стать учеником» [Брюсов, с. 159]. Наряду с этой особенностью, свойственной поэтике художественной модальности, обнаруживается синкретическая образность, связанная с реализацией принципа цикличности (возможность постоянного возрождения / обновления) и актуализацией концепта «время». Происходит встреча *учителя (сеятеля)* и *ученика (ребенка)* — переход к уравнивающему типу субъектной организации: «От шума и толпы, от славы и приветствий / Бегу в лесной тайник, / Чтоб снова приникать, как в отдаленном детстве, / К тебе, живой родник!» [Там же].

Параллелизм *лесной тайник // живой родник* указывает на желание героя уединиться для общения с природой, «Чтоб снова испытать раздумий одиноких / И огненность и лед, / И встретить странных грез, стокрылых и стооких, / Забытый хоровод» [Там же]. Однако последняя строфа стихотворения говорит о том, что «утомленный дух» *сеятеля* проснется не в лесной глуши, а в «колыбели», в библейском раю: «Вновь, как Адам в раю, неведомым и новым / Весь мир увижу я / И буду заклинать простым и вещим словом / Все тайны бытия!» [Там же]. Герой подчеркивает свою избранность, сакральный статус, но при этом он «заклинает». Такая *межсубъектность* (учитель и ученик, язычник и христианин) — реализация в лирике В. Брюсова феномена идейно-субъектной пограничности.

Другое стихотворение В. Брюсова, «Покорность», также демонстрирует создание поэтом индивидуальной коммуникативной стратегии. При вполне

ясной семантике названия стихотворения, его субъектная организация строится по третьему (уравнивающему) типу.

В первой же строфе возникает завуалированный образ Бога, которого первичный субъект сознания и речи называет «ребенком златокудрым», «Судьбой» («Судом Божиим»): «Не надо спора. Буду мудрым. / Склонюсь покорно головой / Пред тем *ребенком златокудрым*, / Что люди назвали *Судьбой*» [Брюсов, с. 170]. Однако лирический герой лукавит: его смирение лишь внешнее, на что указывает использование рефрена «хочу» не только в отношении самого себя («хочу всего»), но и в отношении Бога («Хочу: в твоём спокойном взоре / Увидеть искры новых слез») [Там же, с. 171]. Таким образом, этический дуализм «обыгрывается» героем В. Брюсова посредством идейно-субъектной пограничности, и после уравнивания первичного субъекта сознания и речи со вторичным субъектом сознания герой вынужден признать свое поражение: «Но буду мудр. Не надо спора. / Бесцелен ропот, тщетен плач» [Там же]. Так в финале стихотворения осуществляется «возврат» к иерархическому типу субъектной организации (Творец → творение).

Неорелигиозные воззрения другого русского поэта переломной эпохи — З. Гиппиус — существенно влияли на формирование индивидуально-авторского типа субъектной организации. Несовместимость разных типов субъектной организации отражена, например, в стихотворении «Цепь»: «Идут — *красивые и безобразные*, / Идут *веселые*, идут *печальные*; / Такие *схожие* — такие *разные*, / Такие *близкие*, такие *дальные*... / Где *ненавидимые* — и где *любимые*? / Пути не те же ли всем уготованы? / Как *звенья черные*, — *неразделимые*, / Мы в *цепь единую навеки скованы*» [Гиппиус, с. 91].

Несмотря на определенное единство противоположных образов, лирический герой, связывая себя с названными объектами (*красивыми, безобразными, веселыми, печальными* и др.), тем не менее, не отождествляется с ними. Это подчеркивает эмоциональность характера связи: все субъекты и объекты стихотворения соединены «черными и неразделимыми звеньями». Название стихотворения («Цепь») убеждает в невозможности разделения субъектов, находящихся в межсубъектном, пограничном состоянии. Лирическому герою противна его вторая (греховная / теневая) сторона. Сакрализации героя мешает его греховность, наличие которой в себе он не желает признавать; герой З. Гиппиус хочет стать святым без отказа от греха. Это эмоциональное противоборство отражено в трех словах, характеризующих единственно значимую для героя «думу»: она всегда «безумная» и «желанная», а в результате — «мятежная». Желание стать святым без Бога, совершать грехи и при этом иметь право на избранность заканчивается для героя З. Гиппиус богоборчеством.

Субъектно-объектные отношения, представленные в стихотворении «Если», отражают соединение взаимозаменяемого, иерархического и уравнивающего типов субъектной организации: «Если *ты* не то, что *я*, — / Не увидим *мы Лицо*, / Не сомкнет *Он нас* в кольцо, / Если *ты* не то, что *я*... / Если *мы* не будем в *Нем*, / *Вместе, свитые в одно*, / *В цепь одну, звено в звено*, / Если *мы* не будем в *Нем*, — / Значит, рано, не дано, / Значит, *нам* — не суждено, / Просияв *Его* огнем, / На земле воскреснуть в *Нем*» [Гиппиус, с. 110–111]. В представленной концепции

двуединство «ты» и «я» имеет смысл лишь в синтезе с «Ним». Актуализируется идейно-субъектная пограничность: лирический герой не только стремится к слиянию с другими людьми (актуализация первого типа субъектной организации), но и желает единства в Боге с претензией на равенство (смещение второго и третьего типов субъектной организации): «Если ты не любишь снег, / Если в снеге нет огня, — / Ты не любишь и меня, / Если ты не любишь снег» [Там же, с. 110]. Как справедливо заметила О. Ю. Архипова, «“незнание” и “противоречие” передают эмоциональное состояние одиночества» [Архипова, с. 21] поэта, однако это состояние — следствие того, что З. Гиппиус пыталась совместить в своей религиозно-философской концепции разные идеи.

Символическая поэзия А. Блока в большинстве случаев демонстрирует синтез иерархического и уравнивающего типов субъектной организации. Так, концепция стихотворения «Когда в листе сырой и ржавой...» строится на сравнении Христа и лирического героя: «Когда в листе сырой и ржавой / Рябины заалееет гроздь, — / Когда палач рукой костлявой / Вобьет в ладонь последний гвоздь, — / Когда над рябью рек свинцовой, / В сырой и серой высоте, / Пред ликом родины суровой / Я закачаюсь на кресте...» [Блок, с. 64]. Высший субъект сознания (автор) подчеркивает данное сходство: «В глазах — такие же надежды, / И то же рубище на нем. / И жалко смотрит из одежды / Ладонь, пробитая гвоздем» [Там же]. Безусловно, это черты уравнивающего типа субъектной организации. Однако последняя строфа стихотворения является по своей сути молитвой, что указывает на восстановление иерархического типа субъектной организации: «Христос! Родной простор печален! / Изнемогаю на кресте! / И челн твой — будет ли причален / К моей распятой высоте?» [Там же]. В этих строках и просьба героя о помиловании, и страх, и сомнения.

В другом стихотворении А. Блока «Приявший мир, как звонкий дар...», развивающем тему распятия в лирике поэта, актуализирован феномен идейно-субъектной пограничности, который реализуется в субъектной сфере с помощью оппозиционных пар с пространственным значением (*город — комната; здесь — там*) и двойственного состояния лирического героя (ему *жутко и светло*): «Я здесь, в углу. Я там, распят. / Я пригвожден к стене — смотри!» [Там же, с. 66].

Синтез взаимозаменяемого типа субъектной организации и иерархического продемонстрирован в стихотворении «Мы живем в старинной келье...»: «Мы живем в старинной келье / У разлива вод. / Здесь весной кипит веселье, / И река поет» [Там же, с. 18]. Неосинкретизм божественного и природного планов бытия также представлен и параллелизмом второй строфы: «Но в предвестие веселий, / В день весенних бурь / К нам прольется в двери келий / Светлая лазурь» [Там же]. Итогом устремлений лирического героя становится «бездорожье», поиск «несказанного света», что раскрывает духовные искания А. Блока в контексте нового религиозного сознания эпохи рубежа XIX–XX вв.

Таким образом, принципы неклассической поэтики в русской лирике начала XX в. обнаруживаются на уровне взаимодействия субъектов и объектов в содержательно-формальных контаминациях, основанных на слиянии

принципов эпохи синкретизма и эпохи художественной модальности, посредством идейно-субъектной пограничности.

Архипова О. Ю. З. Н. Гиппиус: поэзия как «текст культуры»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Алтайск. гос. ун-т. Барнаул, 2004. [Arhipova O. Ju. Z. N. Gippius: poezija kak «tekst kul'tury»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Altajsk. gos. un-t. Barnaul, 2004.]

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. [Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979.]

Блок А. Стихотворения и поэмы. Минск, 1980. [Blok A. Stihotvorenija i pojemy. Minsk, 1980.]

Бройтман С. Н. Русская лирика XIX — начала XX века в свете исторической поэтики (субъектно-образная структура). М., 1997. [Brojtman S. N. Russkaja lirika XIX — nachala XX veka v svete istoricheskoj pojetiki (sub"ektno-obraznaja struktura). M., 1997.]

Брюсов В. Стихотворения. М., 1997. [Brjusov V. Stihotvorenija. M., 1997.]

Гиппиус З. Н. Стихотворения; Живые лица. М., 1991. [Gippius Z. N. Stihotvorenija; Zhivye lica. M., 1991.]

Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. Т. 1: *Тмарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н.* Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М., 2008. Т. 2: *Бройтман С. Н.* Историческая поэтика. М., 2008. [Teorija literatury: ucheb. posobie dlja stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij: v 2 t. / pod red. N. D. Tamarchenko. T. 1: Tamarchenko N. D., Tjupa V. I., Brojtman S. N. Teorija hudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaja pojetika. M., 2008. T. 2: Brojtman S. N. Istoricheskaja pojetika. M., 2008.]

Статья поступила в редакцию 08.10.2014 г.

УДК 821.161.1-14 Мандельштам + 81'42

Н. Ю. Мухин

«СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ...» О. МАНДЕЛЬШТАМА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье анализируется стихотворение О. Мандельштама «Сохрани мою речь...», рассматриваются проблемные моменты истории его создания и существующих филологических трактовок, предлагается возможный вариант интерпретации с учетом лингвистических и культурно-исторических особенностей текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а: О. Мандельштам; русская поэзия; интерпретация текста.

Стихотворение «Сохрани мою речь...» (1930) неоднократно привлекало внимание исследователей, комментировалось и толковалось, но нам показалось необходимым еще раз обратиться к нему: потребность диктуется несогласием с отдельными пунктами существующих трактовок, а особенно — с поразительной несправедливостью по отношению к поэту в некоторых из них.

Вот, например, что с удивлением читаем мы в книге Наума Ваймана «Черное солнце Мандельштама»: «Такой клятвы верности татарве никто не произносил в русской поэзии. За фаустовские клятвы и сделки приходится платить сполна, он